

Научная статья

УДК 39

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-102-115>

Окинские сойоты 1980-х годов: от ассимиляции к возрождению

Сергей Геннадьевич Ступин

Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского, Иркутск, Россия, sgstupin@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой описание социального и культурного развития окинских сойотов первой половины 1980-х годов в контексте их перехода к оседлым формам ведения хозяйства. С использованием материалов предыдущих исследователей, в том числе экспедиции 1926 года под руководством Б. Э. Петри, рассматриваются процессы эволюции образа жизни сойотов и их культурной ассимиляции. Формированию современного этнического состава населения Оки предшествовал длительный процесс, начавшийся с XVIII века, со времени вступления в контакт двух разных по языку, культуре и хозяйству этнических групп – сойотов, оленеводов и охотников, и бурят, занявшихся в условиях высокогорья скотоводством. Сойоты не являются автохтонными жителями Оки, они пришли сюда уже сложившейся этнической общностью со своим языком, материальной культурой и хозяйством. Этническая история Горной Оки представляет собой не просто сосуществование двух этносов, а процесс постепенной ассимиляции сойотов более многочисленными бурятами. Этот процесс прямо повлиял и на эволюцию оленеводческого хозяйства скотоводов. В 1984 году сойоты не значились по всесоюзным переписям под самостоятельным этнонимом. В то же время полевые наблюдения показывали, что в Оке ещё довольно много метисов первой крови, то есть потомков смешанных сойотско-бурятских браков. Основным результатом работы автора в 1980-х стало выявление сойотского этнического самосознания у некоторых жителей района. И если в переписи 1989 года сойоты также еще не значились, то во Всероссийской переписи 2010 года их было зафиксировано уже 3608 человек; в подавляющем большинстве именно на территории Окинского района Бурятии. Это подтверждает наличие процесса возрождения сойотов как самостоятельной малочисленной народности. В статье освещаются различные подходы к сойотской проблематике в историографии XX века, а также проблемы и методы этнографических исследований малых народов Сибири в позднем СССР.

Ключевые слова: окинские сойоты, окинские буряты, этнография, историография, оленеводство, горное скотоводство, культурная ассимиляция, этническое самосознание, Бернгард Петри, Комитет Севера, коренные народы Сибири, полевые исследования

Для цитирования: Ступин С. Г. Окинские сойоты 1980-х годов: от ассимиляции к возрождению // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 102–115. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-102-115>

Original article

1980s Oka-Soiots: from assimilation to rebirth

Sergei G. Stupin

N. N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, Irkutsk, Russia, sgstupin@yandex.ru

Abstract. The article is a description of the social and cultural growth of the Oka-Soiots in the first half of the 1980s in the context of their transition to sedentary forms of farming. Using materials from previous researchers, including the 1926 expedition led by B. E. Petri, the evolutionary processes of the Soiots' way of life and their cultural assimilation are considered. The formation of the modern ethnic composition of the Oka population was preceded by a long process that began in the 18th century, from the time when two ethnic groups, different in language, culture and economy, came into contact - the Soiots, reindeer herders and hunters, and the Buryats, who engaged in cattle breeding in the highlands. Soiots are not autochthonous inhabitants of the Oka, they came here with an already established ethnic community with their own language, material culture and economy. The ethnic history of Gornaya Oka is not just the coexistence of two ethnic groups, but the process of gradual assimilation of the Soiots by the more numerous Buryats. This process directly influenced the evolution of the reindeer husbandry of pastoralists. In 1984, the Soiots were not listed in the all-Union censuses under an independent ethnonym. At the same time, field observations showed that in the Oka there are still quite a few mestizos of the first blood, that is, the descendants of mixed Soiot-Buryat marriages. The main result of the author's work in the 1980s was the identification of Soiot ethnic identity among some residents of the area. And if in

© Ступин С. Г., 2022

the 1989 census the Soiots also were not listed yet, then in the All-Russian census of 2010 there were already 3,608 people; in the overwhelming majority it is on the territory of the Okinsky region of Buryatia. This confirms the existence of the process of the revival of the Soiots as an independent small nationality. The article elucidates various approaches to the Soiots' problematics in the historiography of the XX century, also problems and methods of ethnographic research of small peoples of Siberia in the late USSR.

Keywords: Oka-Soiots, Oka Buryats, ethnography, historiography, reindeer husbandry, mountain cattle breeding, cultural assimilation, ethnic identity, Bernhard Petri, North Committee, indigenous peoples of Siberia, field researches

For citation: Stupin S. G. (2022) 1980s Oka-Soiots: from assimilation to rebirth. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 102-115. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-102-115>

В начале 80-х годов прошлого века с легкой руки Германа Ивановича Медведева, часто генерировавшего неожиданные идеи, двум студентам, специализирующимся по этнографии, для дипломного исследования были предложены окинские сойоты. Заметим, что с 1926 года сойоты как этническая единица в переписях населения (1959 г., 1979 г.) не упоминались.

Автор данной статьи и Борис Дунаев со своим молодым исследователем рвением приступили к работе: изучили имеющиеся литературные и архивные источники, провели два полевых сезона в Тункинской долине и Окинском районе. В 1984 году дипломные проекты были успешно защищены и по традиции переданы в библиотеку лаборатории археологии и этнографии Иркутского государственного университета. Основным результатом на тот период стало выявление сойотского этнического самосознания у некоторых жителей района. Признавались они в этом неохотно, порой с опаской, но было понятно, что сойоты на территории есть. С той поры к сойотской теме мы не возвращались.

Между тем, хлынувшие в конце 80-х в начале 90-х годов процессы стремительного возрождения этнического и национального самосознания у многих народов бывшего СССР в полной мере захватили и сойотов. Исчезнувший было народ вдруг снова заявил о себе. Официальные данные указывают на то, что если в переписи 1989 года сойоты еще не значились, то во Всероссийской переписи 2010 года их было зафиксировано уже 3608 человек (в подавляющем большинстве на территории Окинского района Бурятии) из общей численности жителей в районе 5442 человека. С 90-х годов события шли по нарастающей. Сойотский вопрос не раз рассматривался на научных конференциях. К теме подключились столичные ученые-этнографы, ученые БНЦ СО

РАН провели социолого-статистические исследования на тему «Социальные проблемы Оки» (1998 г.). Те и другие подтвердили наличие национального самосознания и процесса возрождения сойотов как самостоятельной малочисленной народности. Сегодня по сойотскому вопросу существует довольно обширная литература (Монгуш, 2012; Павлинская, 2002; Сойоты Горной Оки, 2019; Шарастепанов, 2008. С. 317). В отечественных публикациях последнего десятилетия освещен широкий спектр сюжетов (Рассадин, 2012; Рассадин, 2016; Аюшеев, 2017; Аюшеев, Абаев, 2017; Oehler, 2018; Беляева-сачук, 2020; Кривоногов, 2020).

Указом Президиума Верховного Совета Республики Бурятия от 13 апреля 1993 года на территории Окинского района образован Сойотский национальный сельский Совет с центром в с. Сорок (ныне администрация сельского поселения «Сойотское»).

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 года № 255 сойоты, составляющие 60,2 % населения Окинского района, признаны коренной малочисленной народностью.

21 ноября 2000 года постановлением Народного Хурала Республики Бурятия одобрено предложение о переименовании Окинского района в Окинский сойотский национальный район в составе Республики Бурятия.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р сойоты вошли в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года № 631-р муниципальное

образование «Окинский район» включено в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Параллельно в 2003 году был издан «Сойотско-бурятско-русский словарь», с 2005 года началось преподавание сойотского языка в начальных классах. Возрожден национальный сойотский праздник Жогтаар («Встреча»), в 2004 году переименован в Улуг-Даг («Великая гора»), с 2008 года стали проводиться Самаевские чтения. В 2018 году в Орлике организован Центр сойотской культуры и народного творчества.

Оставляя в стороне политическую составляющую этих событий (а она, безусловно, есть), отметим, что факт наличия национального самосознания очевиден (далее – текст 1984 года с незначительными правками).

Сойоты, урянхайцы, танну-тувинцы – устаревшие названия, употреблявшиеся по отношению к тувинцам, сложившимся в советское время в тувинскую нацию. Сойотами же называли северо-восточных тувинцев – тоджинцев, таежных оленеводов и охотников, заселяющих Тоджинскую котловину Тувинской АССР (Вайнштейн, 1961). Они привлекали внимание многих дореволюционных исследователей (А. В. Адрианова, А. М. Африканова, Ф. Я. Кона и других), в советское время им посвятили специальные работы С. И. Вайнштейн, Л. П. Потапов.

Именно в работах по сойотам-тувинцам встречаются упоминания о группах сойотов, проживавших в долине и верховьях Иркутка и около озера Косогол, на территории Монголии. Самые ранние сведения о них содержат документы, обнаруженные Л. И. Потаповым. В одном из них тункинские ясачные буряты свидетельствуют, что «от верховьев реки Иркутка до озера Косогола, где в 1717 году русские построили Косогольский острог, кочуют народы, называемые сойоты ... и платят ясак в Красноярский уезд по все годы» (Потапов, 1969. С. 27–28). Еще один документ информирует, что «с 1675 года сойоты ... стали платить ясак в Тункинский острог». А до этого с 1661 года по 1668 год они вносили его в Иркутский острог. О том, что представляли из себя сойоты этих мест, долгое время ничего не было известно. Одно из первых кратких сообщений о них относится лишь

к 1867 году, когда вышла книга П. А. Кропоткина «Поездка в Окинский караул» (Кропоткин, 1867).

П. А. Кропоткин ездил проверить слухи о гигантском водопаде в Восточных Саянах. На графитном прииске Алибера он встретил сойота, охранявшего прииск. Расспросив его, П. А. Кропоткин так охарактеризовал тогдашнее положение сойотов: «Теперь сойотов становится все меньше и меньше, и они сливаются с бурятами. Охотничьи области бурят не отделены от сойотских ..., буряты и сойоты охотятся вместе, женятся между собою, молятся одним богам». Сойоты «сами сказали» ему, что «теперь сойот свой язык потерял». В наряде сойотов П. А. Кропоткин тоже «не заметил различий: тот же халат, те же украшения, девушки так же заплетают волосы в множество кос, а замужние женщины – в две косы, утварь решительно та же, что и у бурят». Указывая на то, что раньше «сойоты были гораздо многочисленнее», «кочевали и возле Окинского караула», П. А. Кропоткин писал: «А теперь ничтожные их остатки удаляются со своими оленями в самые пустынные тундры» (Кропоткин, 1867. С. 51–52).

В 1890 году А. М. Африканов, завершив путешествие в Урянхайскую землю, указывал, что «Небольшая часть сойотов в количестве 150 душ обоего пола живет в долине Иркутка в пределах Тункинского ведомства. Они состоят в ведении тайши тункинских бурят» (Африканов, 1890. С. 34–59). Он же отметил, что 10 тысяч урянхайцев, проживают на территории Монголии у озера Косогол.

Интересные данные о сойотах в верховьях Иркутка имеются у знаменитого ботаника В. Л. Комарова, совершившего в 1902 году поездку в Тункинский край и на озеро Косогол. Посетив стойбище сойотов на Ильчире, он писал: «Северные олени – главное богатство этого маленького племени, отделенного от родственных ему урянхайцев как значительным расстоянием, так и русским подданством» (Комаров, 1905). Далее В. Л. Комаров отмечал, что «дикие северные олени здесь очень обыкновенны и служат предметом правильной охоты, ручные есть у каждого сойота, но количество их мне не определено. Обширные тундровые леса ... вполне обеспечивают оленям корм в течение круглого года; рога оленей сбываются в Китай наравне с рогами изюбрей ...» (Комаров, 1905. С. 101). Он же указывал, что сойоты к этому времени держали достаточное коли-

чество баранов, и «хозяйство сойотов совмещает такие две крайности, как полярное оленеводство и чисто степное разведение баранов. Лошади также есть у них, хотя и на оленях ездят верхом». Т. е. уже в начале XX века хозяйство сойотов основывалось не только на разведении оленей и охоте. Сообщение В. Л. Комарова позволяет примерно определить начало перехода сойотов к новым формам ведения хозяйства, в котором определяющим было содержание скота.

С установлением Советской власти в Сибири перед молодым социалистическим государством среди множества важнейших проблем выделилась проблема, так называемых, малых народностей. Для того, чтобы провести «мероприятия законодательного и административно-хозяйственного регулирования и защиты интересов туземного населения при Президиуме ВЦИК СССР был организован 20 июня 1924 года [центральный] Комитет Севера» (КС) (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1468. Оп. 1. Д. 20. Л. 6). Там, где имелись малые народности, действовали окружные КС. Так, в свою очередь, был организован и Иркутский КС, в котором с первых дней его деятельности важную роль

играл профессор этнографии Б. Э. Петри. Именно этот человек, с чьим именем связан интереснейший период в сибирской археологии и этнографии, стал первым настоящим исследователем сойотов в Тункинской долине и Окинском крае. В 1926 году Иркутским КС была организована сойотская экспедиция, которую возглавил Б. Э. Петри. Экспедиция проводила полное статистико-экономическое, бытовое и медицинское обследование сойотов (рис. 1). Оно имело двоякую цель: 1) выяснить возможность выделения сойотов в самостоятельную хозяйственно-административную единицу с созданием у них культбазы; 2) выяснить положительные и отрицательные стороны перехода сойотов, как оленеводческого народа, к новым формам хозяйства – скотоводству и земледелию (Петри, 1927).

В опубликованном в 1927 году предварительном отчете Б. Э. Петри так определял основные итоги работы: «Процесс ассимиляции зашел уже так далеко, что ни о каком возрождении окинских сойот думать не приходится. Нам остается предоставить им окончательно раствориться в бурятской массе» (Петри, 1927. С. 19). Это был неточный вывод, так как относился к окинским сойотам, а основывался

Рис. 1. Группа сойотов. Улус Улзет. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. Фонды ИОКМ. Ф. 477-63
Fig. 1. Soyot group. Ulus Ulzet. Soyot expedition B. E. Petri. 1926. Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 477-63

на данных по тункинским сойотам. После того, как отчет экспедиции со всеми материалами был послан в КС при Президиуме ВЦИК и сойотов причислили к малым народам, Б. Э. Петри уже объективно оценивал процесс ассимиляции в различных хозяйственных группах сойотов. В 1931 году в письме Председателю ЦИК Бурят-Монгольской АССР он писал: «Совершенно оторвавшись от окинских сойот живут среди сплошного бурятского населения Тункинской долины ... обурятившиеся сойоты-земледельцы. Если мы можем считать группу сойот-земледельцев совершенно ассимилированными бурятами, то того же нельзя сказать о 334 сойотах, оленеводах-скотоводах-охотниках, живущих в верховьях реки Белой и озера Ильчир» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 35. Л. 15). Именно на основании данных по этим сойотам, названным окинскими, «эта небольшая народность после отчета экспедиции 1926 года была причислена к малым народам Севера ...». В результате на сойотов распространялись такие льготы малых народов как освобождение от налогов, сборов и воинской обязанности, им полагалось выделить отдельную территорию и провести охотустройство. После 1927 года сойоты отошли в ведение Бурятского КС, который по непонятным причинам затягивал предоставление этих льгот. В этом вопросе многое не ясно до наших дней. Надо только отметить, что Б. Э. Петри был постоянно в курсе сойотских дел, а в Иркутск к нему лично и в КС приезжали 8 сойотских делегаций (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 35. Л. 15–17).

С материалами сойотской экспедиции и выводами Б. Э. Петри во многом перекликается статья Е. Нефедьева «Окинские сойоты», опубликованная в 1930 году в центральном органе КС при Президиуме ВЦИК – журнале «Советский Север» (Нефедьев, 1930). Это работа краеведческого уровня, в которой Е. Нефедьев дает популярное описание прошлого и настоящего окинских сойотов.

После 30-х годов к вопросу об окинских сойотах исследователи долгое время не возвращались. Можно выделить лишь постановку проблемы их этногенеза и частичное ее решение. Она была поставлена в трудах Л. П. Потапова, С. И. Ванштейна и всегда решалась в связи с вопросами этнической истории тувинцев-тоджинцев. У этих же авторов можно встретить некоторые данные по хозяйству окинских сойотов.

Л. П. Потапов считает, что сойоты, обитавшие в долине Иркутта и называемые тункинскими, «представляют собой потомков тувинцев-иркитов XVII–XVIII веков» (Потапов, 1969. С. 69–70). «Часть из них жила на территории Иркутского уезда. Другая «часть обитала по реке Иркут, наименование которой, возможно, и произошло от иркит», а главным занятием их было оленеводство и охота. С. И. Вайнштейн, исследуя оленеводство восточных тувинцев, отмечает, что «олeneводство таежного типа было зафиксировано у небольшой группы окинских сойотов» (Вайнштейн, 1972. С. 89). Он кратко характеризует его как «вьючно-верховое оленеводство с верховым седлом и стременами, доение, нет пастушеской собаки, не используется манщик» (Вайнштейн, 1972. С. 102).

В плане решения вопроса заселения сойотами верховьев и долины Иркутта интересна работа Б. С. Дугарова «О происхождении окинских бурят» (Дугаров, 1983). В ней указывается время появления сойотских родов в районе озера Ильчир и в улусе Нурай Тункинской долины, выделяются сойотские роды в тюркско-сойотскую группу, которая вместе с монголо-бурятской группой участвовала «в формировании современного этнического состава коренного населения высокогорной Оки» (Дугаров, 1983. С. 100). Вышеприведенными данными и работами на сегодня практически исчерпывается историография окинских сойотов. Оценивая уровень их изученности вообще, а традиционного хозяйства в частности, можно констатировать следующее. Сведений дореволюционного периода, опубликованных материалов Сойотской экспедиции 1926 года, немногочисленных новейших исследований недостаточно, чтобы считать тему исчерпанной.

Дело в том, что далеко не все материалы единственной специальной экспедиции к окинским сойотам нашли отражение в опубликованном предварительном отчете. В основном в нем был обработан материал по вопросу возможности выделения сойотов среди бурят. В одной из записок Б. Э. Петри, хранящихся в фондах Иркутского КС в ГАИО, сказано, что «обработка обширного материала по второму заданию заключена и приготовлена к печати (печатанье будет осуществлено зимою 28(29)» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24. Л. 67). Под вторым заданием подразумевалось изучение опыта сойотов по переходу от оленеводства к скотоводству. К сожалению,

в печати так и не появились материалы «по второму заданию». Знакомство с фондами Иркутского КС в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) и рядом печатных работ Б. Э. Петри позволяют в более полной мере представить, как он оценивает результаты перехода сойотов от традиционного хозяйства к новым формам, в чем состояла ценность их опыта для строительства культбаз карагасам, тунгусам.

Основными архивными источниками для работы по данному вопросу до сих пор могут служить:

1) стенограмма доклада Б. Э. Петри на заседании Правления Сибхотсоюза «О переходе карагас, тунгусов и сойотов на культбазы и организации у них охотхозяйств» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–25);

2) донесения Б. Э. Петри в Иркутский КС о ходе работ в экспедиции (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–175);

3) таблицы, составленные Б. Э. Петри и этнографом П. Г. Полторадневым по статистико-экономическому и бытовому обследованию сойотов (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 154–164);

4) переписка сойотов, Иркутского КС и Бурятского КС об организации сойотского самоуправления (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24, 35).

Кроме того, важны материалы Нижнетункинской (1981) и Окинской (1983) этнографических экспедиций, участником которых был автор дипломной работы. Основную их часть составляют документы архива Окинского райисполкома (АОР) Бурятской АССР, в частности, хранящиеся там материалы комплексной экспедиции 1932 года по обследованию Окинского хошуна, в состав которой входили геодезист, экономист, ботаник, гидротехник и охотовед.

Вообще, анализируя переход окинских сойотов к оседлым формам ведения хозяйства, важно рассмотреть сам вопрос появления сойотов в Оке. Очевидно, что при всей суровости и малодоступности Окинского края, он представляет для человека много природных благ. Природные условия Оки с отличными оленными пастбищами, с множеством водотоков, с богатым животным миром, с малоснежной зимой как нельзя лучше подходили для поселившихся здесь оленеводческих родов сойотов, тем более, что труднодоступность края в какой-то мере предохраняла от вмешательства извне. Сойоты не являются автохтонными жителями Оки, они пришли

сюда уже сложившейся этнической общностью со своим языком, материальной культурой и хозяйством. Вопрос появления сойотов в верховьях Иркутта, а также в Тункинской долине рассматривается по-разному.

К. Нефедьев считал, что «окинские сойоты принадлежат к тюрскому племени и вышли из урянхайской группы из родов иртит и хасут», которые «разбросались» в свое время по Тункинской долине, Оке, Монголии и Закаменскому району. «Первым из сойот в Окинскую долину поселился Войнак, из рода хасут», со времени поселения которого к 1930 году прошло 180 лет, «но до поселения Войнака в местности Ильчир уже жило одно колено сойот «в тайне Саянских гор в местах Оки и Ильчира» к 1729 году (Нефедьев, 1930. С. 114).

По сведениям, имеющимся у Б. С. Дугарова, хасуты появились в районе озера Ильчир из Тувы примерно 350 лет назад, а иркиты, большей частью расселившиеся в Тункинской долине и частью в Оке, окрест озера Ильчир, прибыли из Прихубсугуля примерно 400 лет назад. В то же время он отмечает, что в окрестностях озера Хубсугал проживали 4 рода: халюш, ирхыт (иркит), хаасут, артамык (Дугаров, 1983. С. 97–98).

Это позволяет предположить появление сойотов-хаасутов не только прямо из Тувы, но частью и из Прихубсугуля.

Б. Э. Петри относил окинских сойотов к двум родам иркит и хасут и считал их отделившимися «от основного ядра», то есть от сойотско-урянхайского (Петри, 1927. С. 13), но ничего не указывал о времени их появления в Оке.

Интересно, что в одном из писем сойотов «Уполномоченному Иркутского Комитета Севера» в 1928 году с просьбой разрешить покупку оленей в Урянхае они писали: «Уже 300 лет, может больше, как мы живем в вершине Оки и покупали всегда оленей в Урянхае, так как в наших местах оленей всегда не хватает» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24. Л. 66). Это свидетельство подтверждает данные Б. С. Дугарова о времени появления сойотов.

Вместе с тем еще до конца не ясна динамика процесса расселения и причины переселения. На этот счет имеется лишь мнение Е. Нефедьева, который, так же ссылаясь на имеющееся предание, пишет, что «железная необходимость заставила ны-

нешних окинских сойотов переселиться сюда, чтобы укрыться от свирепствовавших войн, так как сами сойоты не были воинственными и занимались исключительно мирным трудом, охотой и животноводством».

Еще больше вопросов возникает в связи с тем, что Б. С. Дугаров относит к сойотским родам род онход (Дугаров, 1983. С. 98). До 1983 года о роде онход не встречается ничего как о сойотском. В доказательство того, что онход – сойотский род, Б. С. Дугаров приводит тюркоязычность онхотов и тот факт, что их потомки встречаются в Оке и в Тунке, то есть в местах расселения сойотов.

Так на сегодня выглядит вопрос появления сойотов в Оке. По вопросу времени появления наиболее убедительной выглядит точка зрения Б. С. Дугарова. В то же время отнесение Б. С. Дугаровым рода онход к сойотским выглядит проблематичным, так как приведенных им доказательств недостаточно.

Сойоты, поселившиеся у озера Ильчир в начале XVII века, являются наиболее ранними обитателями Восточных Саян. Буряты стали осваивать эти края лишь с середины XVII века, когда «для несения пограничной службы на восточно-саянских границах от всех тункинских и аларских родовых групп направлялось по человеку от семьи, где было не менее трёх сыновей» (Дугаров, 1983. С. 90).

В результате на сравнительно изолированной территории при небольшой численности населения складывалась своеобразная этническая группа, называемая сейчас окинскими бурятами. Б. С. Дугаров насчитывает в ее составе свыше 15 родов и подродов и делит «на две основные группы: монголо-бурятскую и тюркско-сойотскую, из которой первая сыграла решающую роль в формировании современного этнического состава коренного населения высокогорной Оки» (Дугаров, 1983. С. 100).

Формированию современного этнического состава населения Оки предшествовал длительный процесс, начавшийся с XVIII века, со времени вступления в контакт двух разных по языку, культуре и хозяйству этнических групп – сойотов, оленеводов и охотников, и бурят, занявшихся в условиях высокогорья скотоводством (рис. 2). Это было не сосуществование двух этносов, а процесс постепенной ассимиляции сойотов более многочисленными буря-

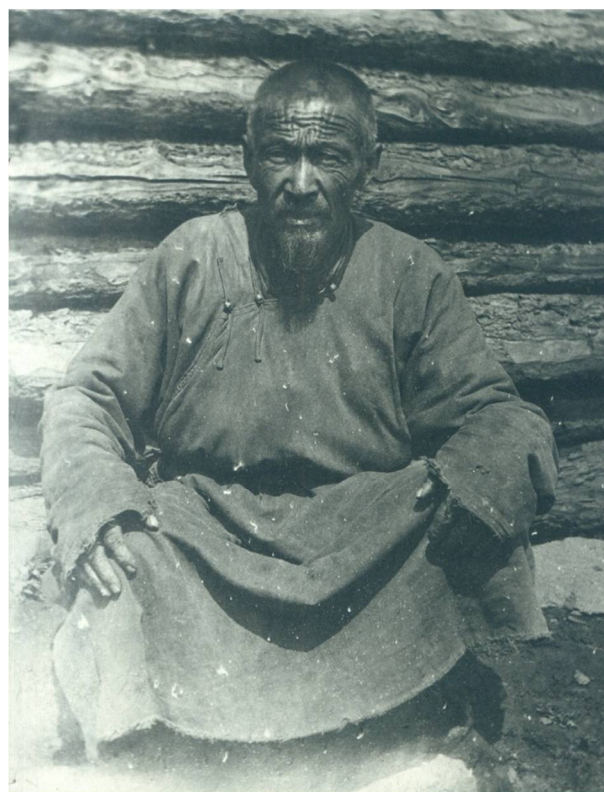

Рис. 2. Старик-сойот. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. Фонды ИОКМ. Ф. 6954
Fig. 2. Soyot old man. Soyot expedition B. E. Petri. 1926. Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 6954

тами. Он прямо влиял и на эволюцию оленеводческого хозяйства скотоводов, что особенно заметно по материалам Сойотской экспедиции 1926 года. Экспедиция обнаружила сойотов разбросанными в 12 местах. Проведя их обследование, Б. Э. Петри выделил тогда 5 хозяйственных групп сойотов.

Одну из них составляли тункинские сойоты-земледельцы в количестве 175 человек, «поселившиеся в улусе Нурай, среди приютных тункинских степей» (Петри, 1927. С. 14). Как говорилось выше, они к этому времени были ассимилированы окружившим их бурятским населением. Полностью отойдя от традиционного оленеводческого хозяйства и занявшись по преимуществу земледелием, тункинские сойоты, по свидетельству Б. Э. Петри, находились в тяжелом положении: «Их бюджет более чем скромнен: он недостаточен; количество мяса и жиров доведено до минимума. Пашни обрабатываются примитивно. Скота недостаточно. ... Ослабленное питание организма при усиленной мышечной работе земледельца приводит к заметному вырожждению, детской смертности и развитию болез-

ней. Хлебный режим пагубно отражается на здоровье». В связи с этим Б. Э. Петри сделал вывод, что «переход от вольного промысла в горной тайге к упорному труду в долине не дается народу – он осужден на вымирание» (Петри, 1927. С. 14). Вывод слишком категоричный, скорее стоит говорить о полной ассимиляции, а не о вымирании. Тем не менее Южнотункинская этнографическая экспедиция 1981 года установила, что хозяйственной группы сойотов-земледельцев уже не существует. Нет даже улуса Нурай, который теперь практически объединился с разросшимся поселком Жемчуг. А память о курайских сойотах сохранилась лишь в воспоминаниях старожилов района.

У окинских сойотов выделялось 4 хозяйственных группы, краткие характеристики которых дал Б. Э. Петри.

«1. Оленная группа живет вокруг озера Ильчир (исток реки Иркут) на высокогорной тундре; занимается по преимуществу оленеводством и пушным промыслом, начинает обзаводиться скотом.

2. Переходная группа от оленеводства к скотоводству живет в двух пунктах с хончин и Ха-Модон, сравнительно недалеко от верхней границы леса, в самых верховьях речек, являющихся истоками реки Белой. Основой хозяйства является крупный рогатый скот. Держат еще достаточное количество оленей. Бюджет строится на пушном промысле.

3. Скотоводы живут по долине реки Оки на удобренных покосах-утугах. Летом поднимаются вверх по рекам на горные пастбища. Поселки следующие: Улзета, Сорока, Хореты, Буксон, Дибихозулхай-Хугра и Бурунгол.

4. Четвертую группу составляют беженцы, которые распадаются на две группы: 1) Беженцы экономические – это разорившиеся оленеводы, недавно спустившиеся с Ильчира к подножию горы Мунку-Сардыка, частично устроившиеся скотоводческим хозяйством, частично находящиеся в стадии создания такового. В будущем они осядут, как скотоводы. 2) Беженцы политические. Эта группа живет в пределах Монголии, куда члены, составляющие ее, бежали со своими семьями, напуганные гражданской войной. Одни из них уже вернулись назад, остальные собираются возвращаться.

В ближайшем будущем вся эта подгруппа вольется в группу III».

Добавим, что скотоводы тоже имели оленей, которых на летнее время передавали для пастбы на гольцах в хозяйство ильчирского сойота Бадмаева. Как видно из сводной таблицы предварительных данных о сойотах (Петри, 1927. С. 14) на 14 хозяйств (59 человек) сойотов переходной группы приходилось 32 оленя, а на 35 хозяйств (166 человек) сойотов-скотоводов 29 оленей.

Таким образом ни одна из выделенных Б. Э. Петри хозяйственных групп не была чисто оленеводческой или чисто скотоводческой.

Оленеводческая группа выделялась потому, что в ней по-прежнему хозяйственный режим определялся оленями, в то же время у скотоводов это вызвано необходимостью содержания скота. Переходная группа находилась в примерно одинаковой зависимости от этих, казалось бы, несовместимых в одном хозяйстве видов животных.

К 1926 году сойоты-олeneводцы были представлены малочисленной группой из 28 человек (8 хозяйств). Имея 63 оленя, 23 лошади и 37 голов скота, они по-прежнему кочевали по обширным пастбищам вокруг оз. Ильчир. Кочевали от 4 до 10 раз в год, в зависимости от состояния кормов. Оленеводство и охота являлись основными занятиями (рис. 3).

Выше уже приводился отрывок из письма сойотов, в котором говорится, что оленей в Оке всегда не хватало и их покупали в Урянхае (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24. Л. 66). Урянхайский олень был меньше карагасского. Средний вес туши оленя самца был 64 кг, самки – 48 кг. Необходимость постоянно закупать оленей была связана с периодическими эпизодами и неправильным соотношением маток и самцов в стаде. Например, в 1932 году, вместо нормального маточного состава в 70 % от общей численности, было лишь 13 % (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 29 об.). Олень был приспособлен только к верховой езде. Матка в среднем давала 60 литров молока в год, суточный удой равнялся 1 литру при дойке 4 раза в течение дня. На мясо оленей забивали лишь из-за непригодности к дальнейшему использованию: ездовых оленей и быков в возрасте после 16 лет и самцов-производителей – с 13 лет.

В целом по архивным данным АОР, в различные годы количество оленей в Оке: в 1917 году – 308, 1924 – 112, 1926 – 150, 1929 – 216, 1930 – 329 (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 29 об.), далее имеются

Рис. 3. Сойоты Окинского края. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. Фонды ИОКМ. Ф. 477-24

Fig. 3. Soyots of the Oka Territory. Soyot expedition B. E. Petri. 1926 Irkutsk Regional Local Lore Museum funds funds. F. 477-24

данные на 1 сентября 1952 года – 462 оленя (АОР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 73. Л. 13). В настоящее время домашних оленей в районе нет. По воспоминаниям Д. Д. Ошорова, они были ликвидированы в 1962 году («В 1962 году я был директором школы. Наверное, последних оленей тогда забил. Крайность это была. Тогда сказали, что так надо»). Д. Д. Ошоров родился в 1918 году на Ильчире и жил там до 1930 года, его мать – бурятка, отец – сойот. Вспоминая детство, он говорит, что жили на Ильчире как отшельники («Отшельничество наше надоело, поэтому на объединение в колхоз откликнулись положительно»). В 1930 году Е. Нефедьев указывал, что кочевой образ жизни накладывал на сойотов «отпечаток чрезвычайной отсталости бытовой, культурной и хозяйственной» (Нефедьев, 1930, С. 115).

В местах стоянок сойоты имели юрты и кое-какие надворные постройки. Юрта представляла собой небольшой четырехстенный сруб из мелких,

обычно плохо правленных бревен без всяких утеплений. В центре юрты на земляном полу ставилась яндон-печка, для выхода дыма вверх делалось отверстие. Вместе с тем были распространены урсы, так называемые шалаши, построенные из древесных веток, листовичной коры и звериных шкур (Петри, 1927. С. 18).

В середине 20-х годов оленеводство, являвшееся несколько веков до этого основной формой ведения хозяйства, уже не было характерным для всех окинских сойотов. И у этой немногочисленной оленей группы оно не было традиционным, так как в хозяйственном режиме оленевода все большую роль играл крупный рогатый скот.

Основная часть окинских сойотов занималась скотоводством. Причем это было хозяйство, в котором своеобразно сочеталось традиционное бурятское скотоводческое хозяйство и сойотское оленеводческое.

Уже в предварительном отчете Б. Э. Петри отметил, что «экспедиция привезла большой ценности материал для правильного строительства культбаз у наших туземцев» (Петри, 1927. С. 20). А в докладе 1929 года «О переходе карагасов, тунгусов и сойотов на культбазы» он заявил: «Я останавливался на сойотах ... как на своих учителях, которые показали, как надо строить культбазу и как безболезненно для туземцев с хозяйства оленеводческого и охотничьего перейти к более высшим формам хозяйства – к оседлости с рациональным охотничьим хозяйством» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 20 об.). Чтобы знать, какой опыт сойотов был положен в основу при переводе тунгусов и карагасов на оседлость, необходимо выяснить особенности хозяйства сойотов-скотоводов. Это важно знать и потому, что именно в 20-е годы при непосредственном участии Б. Э. Петри были заложены основы того положения, в котором сегодня находятся тунгусы и карагасы. А, как известно, современная жизнь этих народностей не лишена проблем.

Сойоты-скотоводы в середине 20-х годов нашего века составляли самую многочисленную хозяйственную группу окинских сойотов – 175 человек (35 хозяйств). Режим хозяйства у этой группы диктовался в основном необходимостью содержания большого количества крупного рогатого скота. Они имели 990 голов скота, 197 лошадей и 396 баранов и коз. Крупный рогатый скот был представлен в Оке, как и сейчас, двумя породами: сарлык и монгол и их отродьями хайнок и ортом.

В 1926 году самая бедная семья сойота-скотовода имела 10–15 коров, средняя – 20–40 коров, зажиточная – до 100 и выше. Столь многочисленные стада, как считал Б. Э. Петри, позволяли «вести экстенсивную систему скотоводства, даже более экстенсивную, чем монгольская система» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 19). Между тем огромные

цифры отнюдь не служили показателем мощности сойотских хозяйств. Вот как выглядит таблица продуктивности пород и отродий скота (табл. 1) (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 32 об.).

Таким образом, в среднем в лучший месяц корова давала 2000 гр молока в сутки, в удой же доилась примерно 5 месяцев в год. Е. Нефедьев считал, что такая «обеспеченность сойотского хозяйства скотом недостаточно велика в окинских условиях» (Нефедьев, 1930. С. 115). Б. Э. Петри так характеризует эту «обеспеченность»: «Количество продуктов животноводства сравнительно ничтожно: мяса и молока хватает, чтобы только безбедно прожить; их скотоводство не товарное, к тому же большое количество скота требует уплаты больших налогов Бурятской республике, нужно купить чай и, наконец, одеться в шелковое и т. д. И вот единственной валютой у них является пушнина» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 20).

Имея столько скота, сойоты, прежде всего, были связаны со скотоводческим хозяйством, но необходимость промыслять заставляла держать оленей, так как промысел в условиях Восточных Саян, по утверждению Б. Э. Петри, «без оленей невыносим». При ознакомлении с материалами экспедиции выявляются некоторые противоречия. Например, Б. Э. Петри говорил, что сойоту-скотоводу для охоты необходимо 3 оленя. Но, как видно из таблиц № 4 (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 154) и № 9 (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159), у скотоводов на 40 охотников приходилось лишь 23 рабочих оленя, т. е. 0,57 на человека, в то время как лошадей – по 4 на охотника. К тому же трудно согласиться с мнением Б. Э. Петри, что олень, который весь день идет под вьюком, на следующий день будет свежим под охотником.

В целом хозяйство сойотов-скотоводов 20-х годов можно охарактеризовать как комплексное – скотоводческо-олeneводческое, в котором преоб-

Таблица 1. Продуктивность скота

Table 1. Livestock productivity

Порода и отродья	Живой вес в кг		Суточная удойность в августе месяце	Период лактации в днях	Средний удой молока в центнерах
	бычки	коровы			
Монгол	250	226	2115 гр	190	3,3
Сарлык	245	222	1886	170	2,68
Хайнок	359	255	3487	175	5,14
Ортом	сведений нет		1358	130	1,35

ладало содержание крупного рогатого скота, но олени ещё использовались при пушном промысле.

К объективным условиям, способствовавшим «отживанию» оленеводческого хозяйства, можно отнести:

1) малочисленность сойотов, неблагоприятное соотношение полового состава, содействовавшие постепенной ассимиляции более многочисленными бурятами.

Вот как выглядит сводная таблица по численности населения Окинского района за разные годы, составленная по данным переписи 1917 года Иркутской губернии (Итоги..., 1919. С. 206)¹, Всесоюзной переписи 1926 года (Всесоюзная..., 1928; С. 344)², экспедиции 1932 года по обследованию Окинского хошуна (табл. 2) (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–18 об.) и данных о населении района на 1 января 1980 года (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 1).

Таблица 2. Численность населения

Table 2. Population

Годы	1917	1926	1932	1980
Всего населения	1891 чел.	1906 чел.	2082 чел.	3803 чел.
Из них сойотов	258 чел.	161 чел.	272 чел.	Нет

Как следует из таблицы, сойоты в 1917 году составляли 13,6 % населения района, в 1926 – 8,4 % в 1932 – 13 %.

Экспедиция 1932 отмечала «некоторую этническую неустойчивость у сойот, у которых на 100 мужчин приходится только 89 женщин» (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 19). Дети до 13 летнего возраста составляли 28,3 % сойотского населения Оки, полных работников-мужчин и женщин 58,7 %. Средний состав семьи – 4 человека (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 19 об.).

2) периодические эпизоотии, поражавшие олени стада.

Перед эпизоотиями сойоты были почти беспомощны. Приходилось периодически пополнять стада оленями из Урянхая.

3) соседство и постоянные контакты с бурятами, выработавшими с XVIII века своеобразную систему кочевого скотоводства в условиях высокогорья.

Скотоводство обеспечивало молочную и мясную пищу, тогда как жизнь оленевода зависела в основном от удачи на охоте.

4) экономическая и социальная политика Российской империи.

В условиях труднодоступности района она сказывалась в том, что сойоты были предоставлены китайским спекулянтам, скупавшим за бесценок пушнину и контрабандно поставлявших чай, мануфактуру и другие товары.

В таких условиях переход сойотов к новым хозяйственным формам был объективно необходим. У них не было другого выбора, кроме как приспособливаться к изменившимся условиям. Сойоты приспособливались. Уже в первом донесении о ходе работ в экспедиции Б. Э. Петри указывал, что сойоты «умеют устраиваться в новых условиях, ловко используя традиции, семейный уклад, права брака и наследства исконных жителей их новых мест поселения, т. е. бурят» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 175). В этом же письме он отмечал, что «и личные качества сойота выгодно отличают его от окружающих бурят. Чисто турецкие: живость, добродушие и плутоватость у них гармонично перемешаны» (рис. 4).

В настоящее время сойоты не значатся по всесоюзным переписям под самостоятельным этнонимом. Наличие этнонима, как считает Ю. В. Бромлей, «свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей» (Бромлей, 1983. С. 180).

Полевые наблюдения показали, что в Оке ещё довольно много метисов первой крови, т. е. потомков смешанных сойотско-бурятских браков (чаще всего, отец – сойот, мать – бурятка). Но никто из них не считает себя сойотом, они не отличают себя от бурят. Быть может, в своё время в этом определённую роль сыграл тот факт, что со стороны части бурятского населения к сойотам существовало пренебрежительное отношение. Их считали грязными, некультурными людьми (бур. «хаёт» – грязный). Об

¹ Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск, 1919. 446 с.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года, Сибирский край, Бурято-Монгольская АССР. М.: ЦСУ СССР, 1928. 390 с.

Рис. 4. Сойот Мама Гармаев (19 лет). Улус Улзета. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 477-21

Fig. 4. Soyot Mama Garmaev (19 years old). Ulus Ulzeta. Soyot expedition B. E. Petri. 1926. Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 477-21

этом свидетельствовали Л. Ж. Замбалова (мать – бурятка, отец – сойот), Б. Д. Шарастепанов (бурят).

Тот же Б. С. Дугаров насчитывает 15 родов и подродов в современном этническом составе окинских бурят и делит их «на две основные группы: монголо-бурятскую и тюркско-сойотскую, из которых первая сыграла решающую роль в формировании современного этнического состава коренного населения высокогорной Оки». Возможно, можно констатировать, что сойоты ассимилированы основной, бурятской, массой населения.

В советское время Окинский район Бурятской АССР специализируется на скотоводстве, с подсобным промыслом – охотой. Специализация определена с учётом исторически сложившихся форм ве-

дения хозяйства – скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота, направление мясо-молочное. Между тем, на взгляд автора, совершенно неоправданно забыто оленеводство. Это тот случай, когда из богатого исторического опыта, выработавшего различные хозяйственные формы, взято не всё лучшее. В 1932 году экспедиция отмечала: «Заинтересованность у населения в развитии оленеводческого хозяйства имеется большая, и перспективы к этому при огромном наличии пастбищ есть» (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 30). «Несомненно, Сойотский с/совет в будущем должен стать базой промышленного оленеводства» (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 56 об.). По словам табунщика из Орлика Н. Д. Гамбоева (мать – сойота, отец – сойот), в районе ещё есть люди, которые хотят и могут вести традиционное оленеводческое хозяйство. К этому хочется добавить, что, очевидно, к разведению оленей в Оке рано или поздно вернуться. Лучше бы, чтобы это началось при жизни поколения, которое ещё знает, как это делается (конец текста 1984 года).

Летом 2021 года по приглашению организаторов экспедиции «Эргенэ-Кун» – легендарная и историческая прародина монголов» после долгого перерыва автору этих строк удалось вновь побывать в местах своего студенчества. Тогда же я выступил на полевом семинаре с докладом «Коллекция, собранная Б. Э. Петри во время экспедиции к сойотам, в фондах Иркутского областного краеведческого музея». Каково же было удивление, когда выяснилось, что моя дипломная работа со всеми приложениями (архивные документы, фотографии), в 80-е годы взятая «на время» в библиотеке лаборатории археологии и этнографии, до сих пор находится у директора Орликской школы Б. Д. Шарастепанова, в свое время активно занимавшегося продвижением сойотского вопроса на всех уровнях.

Сложно сказать, в какой мере студенческая дипломная работа могла поспособствовать вышеоцененным процессам. Тем не менее вся эта история показалась весьма интересной профессору А. В. Харинскому, который предложил опубликовать выдержки из той самой работы. Рассуждения молодого этнографа начала 80-х годов прошлого века, на которых неминуемо сказывался характер эпохи, могут представлять определенный интерес и сегодня.

Список источников

Африканов А. М. Урянхайская земля и ее обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1890. Т. XXI. № 5. С. 34–59.

Аюшеев Н. Сойоты Бурятии в духовной цивилизации саянидов Внутренней Азии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 1. С. 86–92.

Аюшеев Н. Г., Абаев Н. В. Этнокультурные традиции сойотов в духовной цивилизации саянидов Внутренней Азии // Вестник Тувинского государственного университета. Сер. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (32). С. 19–26.

Беляева-Сачук В. А. Животные в традиционной культуре окинских бурят и сойотов. Источник пищи, работник, друг или сакральное существо? // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 110–117.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тодзинцы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 218 с.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972. 314 с.

Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов : сборник статей. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

Комаров В. Л. Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 году // Известия Императорского Русского географического общества, 1905. Т. XII. С. 23–154.

Кривоногов В. П. К вопросу об этнической идентификации сойотов Бурятии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 43–50.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. Кн. IX и X. С. 1–94.

Монгуш М. В. Тофалары и сойоты. Историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 62–78.

Нефедьев Е. Окинские сойоты // Советский Север. 1930. № 3. С. 114–118.

Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб. : Европейский дом, 2002. 259 с.

Петри Б. Д. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные

References

Afrikanov A. M. (1890) Uriankhai land and its inhabitants. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Izvestiya Vostochno-Sibirskogo dept. of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXI. No. 5. P. 34-59. (In Russ.).

Ayusheev N. (2017) Soyots of Buryatia in the spiritual civilization of the Sayanids of Inner Asia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian studies of Inner Asia*. No. 1. P. 86-92. (In Russ.).

Ayusheev N. G., Abaev N. V. (2017) Ethnocultural traditions of Soyots in the spiritual civilization of the Sayanids of Inner Asia. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki = Bulletin of Tuva State University. Social and Humanitarian Sciences*. No. 1 (32). P. 19-26. (In Russ.).

Belyaeva-Sachuk V. A. (2020) Animals in the traditional culture of Oka Buryats and Soyots. A food source, a worker, a friend, or a sacred being? *Kunstkamera*. No. 1 (7). P. 110-117. (In Russ.).

Bromlei Yu. V. (1983) Essays on the theory of ethnos. Moscow: Nauka. 411 p. (In Russ.).

Wainshtein S. I. (1961) Tuvinians-Todzhintsy. Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 218 p. (In Russ.).

Weinstein S. I. (1972) Historical ethnography of Tuvinians. Moscow: Nauka. 314 p. (In Russ.).

Dugarov B. S. (1983) On the origin of the Okinsky Buryats. Ethnic and historical and cultural ties of the Mongolian peoples. Collection articles. Ulan-Ude: BF SB of the USSR Academy of Sciences. P. 90-101. (In Russ.).

Komarov V. L. (1905) Trip to the Tunka region and Lake Kosogol in 1902. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Izvestiya Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XII. P. 23-154. (In Russ.).

Krивonogov V. P. (2020) On the issue of ethnic identification of Soyots of Buryatia. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific review of the Sayano-Altai*. No. 4 (28). P. 43-50. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The journey to the Oka Warding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = The notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 1-94. (In Russ.).

Mongush M. V. (2012) Tofalars and Soyots. Historical and ethnographic essay. *Novye issledovaniya Tuvy = New studies of Tuva*. No. 2. P. 62–78. (In Russ.).

Nefediev E. (1930) Oka Soyots. *Sovetskii Sever = Soviet North*. No. 3. P. 114–118. (In Russ.).

Pavlinkaya L. R. (2002) Nomads of the Blue Mountains. The fate of the traditional culture of the Eastern Sayan peoples in the context of interaction with modernity. St. Petersburg: European House. 259 p. (In Russ.).

Petri B. D. (1927) Ethnographic studies among small peoples in the Eastern Sayans (Preliminary data). Irkutsk:

данные). Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда», 1927. 22 с.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.

Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 214–217.

Рассадин И. В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 2 (22). С. 99–104.

Сойоты Горной Оки. Улан-Удэ : Нова-Принт, 2019. 120 с.

Шарастепанов Д. Ока: годы и люди. Улан Удэ : Республиканская типография, 2008. 373 с.

Oehler A. C. Social memory and oka-soiot reindeer herders: on the challenges of reindeer in multi-species mountain households. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 112–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-112-123.

Информация об авторе

С. Г. Ступин – кандидат философских наук, директор, Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия.

Вклад автора

Ступин С. Г. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 10 февраля 2022 г.; принята к публикации 21 февраля 2022 г.

Printing house of the publishing house “The Power of Labor”. 22 p. (In Russ.).

Potapov L. P. (1969) Essays on the national life of Tuvians. Moscow: Nauka. 402 p. (In Russ.).

Rassadin I. V. (2012) On the nature of reindeer husbandry among Oka Soyots. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*. No. 4 (32). P. 214–217. (In Russ.).

Rassadin I. V. (2016) Tribal composition and ethnic history of Soyots. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 2 (22). P. 99–104. (In Russ.).

(2019) Mountain Oka Soyots. Ulan-Ude: Nova-Print. 120 p. (In Russ.).

Sharastepanov D. (2008) Oka: years and people. Ulan Ude: Republican Printing House. 373 p. (In Russ.).

Oehler A. C. Social memory and Oka-Soiot reindeer herders: on the challenges of reindeer in multi-species mountain households. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 112–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-112-123.

Information about the author

S. G. Stupin - Cand. Sci. (Philosophy), Director, N. N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, 13, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia.

Contribution of the author

Stupin S. G. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 12, 2022; approved after reviewing February 10, 2022; accepted for publication February 21, 2022.